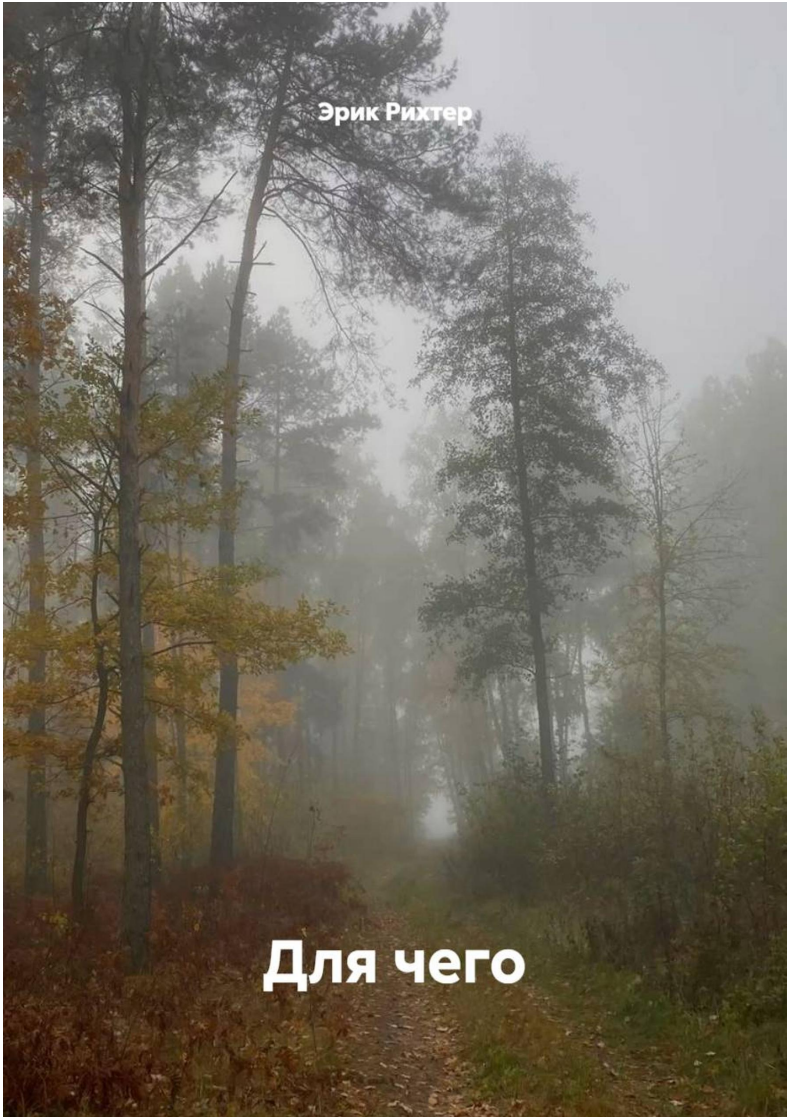
Эрик Рихтер
Для чего

Эрик Рихтер
Для чего

https://litres.ru/74871137
SelfPub; 2026

Аннотация

1873 год. Пятнадцатилетний Кирилл Бережной хоронит отца, уездного учителя из Малого Борка, и остаётся с тремя рублями, Евангелием и последним наказом: «Найди, для чего». Не желая становиться писарем или приказчиком, он уходит по нижегородскому тракту, сам не зная куда.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Эрик Рихтер
Для чего

Глава 1

Начиная повесть о Кирилле Аркадьевиче Бережном, я почитаю долгом предупредить читателя, что герой мой ничем решительным не замечателен, кроме одного обстоятельства, которое, впрочем, замечательнее для него самого, нежели для посторонних: пятнадцати лет от роду он решительно не знал, зачем живёт. Не то чтобы он скучал: скука есть удел людей сытых и праздных, а он был ни сыт, ни празден. Не то чтобы страдал: страдание, как известно, уже само по себе есть некоторая цель. Но вот именно не знал, и это незнание сидело в нём, как заноза под ногтем, которую нельзя ни выдавить, ни забыть, ни не трогать.

Малый Борок, где он родился, стоял на реке Пьяне и состоял из одной длинной улицы, собора с покосившейся колокольней, уездного училища с жёлтыми стенами, лавки Хрулёва и трактира, который почему-то назывался «Лондон», хотя дальше Арзамаса никто из его посетителей не бывал. Зимой городок заносило до окон, весной он тонул в грязи, летом пыль стояла над ним неподвижным облаком, и во все времена года в нём пахло дымом, мокрой собакой и кваше-

ной капустой.

Отец Кирилла, Аркадий Платонович, был бывший семинарист, не доучившийся из-за слабой груди, и преподавал в училище арифметику и Закон Божий. Арифметику он преподавал с таким чувством, будто доказывал бытие Божие через таблицу умножения, а Закон Божий с такой аккуратностью, будто сверял счета. Он носил один и тот же сюртук двадцать лет, считал в уме быстрее любых счётов, пил чай из блюдца с сушками и по вечерам читал сыну вслух Евангелие. На одном и том же месте, где-то в середине, он всякий раз останавливался, закрывал книгу и смотрел на мальчика так, будто хотел что-то сказать, да не решался. Кирилл ждал. Отец вздыхал и говорил: «Ну, спать».

Мать свою, Надежду Ивановну, Кирилл не помнил, она умерла, когда ему было четыре года. Осталось от неё только два воспоминания: запах крахмала и песня без слов, которую она напевала, гладя бельё. Эту песню он иногда ловил в себе по ночам, не зная, откуда она.

В училище его считали способным. Он решал задачи быстрее всех и безошибочно, но всякий раз, найдя ответ, ощущал не радость, а пустоту, будто открыл дверь и увидел за ней пустую комнату. Однажды отец, объяснив правило сложения дробей, спросил по обыкновению: «Понятно?» Кирилл ответил: «Понятно. А для чего?» Класс засмеялся. Аркадий Платонович не засмеялся. Он посмотрел на сына долгим странным взглядом и сказал: «Вот это, Кирюша, и

есть единственный вопрос». Больше они об этом не говорили.

Он умер в первых числах сентября тысяча восемьсот семьдесят третьего года, в нетопленой комнате, под двумя одеялами и шинелью, от чахотки, которую сам двадцать лет называл простудой. Уездный лекарь Меркулов приехал на третий день болезни, пощупал пульс, посмотрел в окно и сказал: «Пейте липовый цвет». Это было, пожалуй, самое честное, что он мог сказать.

Аркадий Платонович лежал и смотрел в потолок, где желтело пятно от протечки, похожее на карту неизвестной страны, и в последние дни повторял одну и ту же фразу:

— Ты, Кирюша, найди, для чего. Без «для чего» человек хуже собаки: у собаки хоть хозяин есть.

Он оставил сыну три рубля семнадцать копеек, Евангелие с засохшим васильком между страницами, жестяные карманные часы, остановившиеся без десяти минут пять, и эту фразу.

Хоронили на казённый счёт, но священнику, отцу Пафнутию, пришлось заплатить два рубля пятьдесят, и мальчик продал самовар лавочнику Хрулёву, который, отсчитывая деньги, вздохнул так, будто делал одолжение самому Господу. А на девятый день, когда в опустевшей комнате ещё стоял запах лекарств и воска, к Кириллу пришли двое с предложениями.

Первым явился инспектор училища, пожилой человек с

мокрыми усами, и предложил место писаря в земской управе: шесть рублей в месяц, перо и чернила казённые, перспектива со временем дослужиться до столоначальника. Следом заглянул сам Хрулёв и сказал, что в лавке нужен мальчик, а при хорошем поведении можно и в приказчики: харчи хозяйские, угол за прилавком, жалованье к Пасхе.

Кирилл слушал и вдруг увидел всю свою жизнь, как задачу, решённую заранее. Вот он пишет бумаги. Вот ему тридцать. Вот у него жена, самовар, сын, который однажды спросит: «Для чего?», а он ответит: «Не знаю, ложись спать». Он увидел это так отчётливо, что ему стало холодно, и он сказал обоим «подумаю», а когда они ушли, сел на отцовскую кровать и долго грыз ноготь большого пальца до крови.

Он стоял у свежей могилы под мелким косым дождём, оскорбительно равнодушным, и думал не о смерти, что было бы естественно, а о том, что отец, учивший сорок лет, ни разу не сказал ему, для чего. Это показалось ему почти предательством и, как всякое открытие, пришедшее в самую неподходящую минуту, было им на месте и тотчас возненавидено.

В ночь на девятые сутки ему приснилась дверь, стоящая посреди поля без всякого дома. Он открыл её, и за ней оказалось такое же поле, а в нём такая же дверь, и снова поле, и снова дверь. Он шёл сквозь них, пока не проснулся в поту, и долго сидел в темноте, слушая, как за окном потрескивает остывающая печь.

Потом он зажёг свечу и начал собираться. Собирать оказалось нечего. Он завернул в клеёнку Евангелие и сунул за пазуху, положил в карман жестяные часы (они не шли, и он напрасно пытался их завести) и пересчитал деньги: три рубля семнадцать копеек. Он подумал и взял ещё отцовскую записную книжку с загнутыми углами, в которой были только столбцы цифр и на последней странице строка, написанная дрожащей рукой: «Для чего?» Кирилл так и не понял, был ли это вопрос или ответ.

Он запер дом, положил ключ под порог для Пелагеи Никитичны, у которой они снимали комнату, и вышел на нижегородский тракт. Было ещё темно, и только в трактире «Лондон» горело одно окно, из которого доносилась унылая гармонь. Он постоял минуту, глядя на жёлтые стены училища, где отец провёл сорок лет, и не почувствовал ничего, кроме странной лёгкости.

Он и сам не мог бы объяснить, почему именно в Нижний. Должно быть, потому, что дорога, по крайней мере, никого не спрашивает, зачем ты по ней идёшь. К рассвету он добрался до первой деревни, лёг в стог за околицей и, засыпая, впервые за девять дней подумал: а что, если никто и не ждёт от меня ответа? Мысль эта показалась ему такой страшной и такой освобождающей, что он не знал, смеяться ему или плакать, и уснул, не решив.

До Нижнего он шёл шесть суток, ночуя в стогах, ел сухари, купленные у встречной бабы за копейку, и однажды, на

третий день, украл с огорода морковь и потом весь вечер мучился этим сильнее, чем голодом. Город открылся ему сверху, с горы: две реки, сливающиеся в одну, белые стены кремля, дымки пароходов и такой простор, что у мальчика, никогда не видевшего ничего шире Пьяны, закружилась голова.

Ярмарка уже закончилась, но её остатки ещё стояли по берегу: пустые лабазы, кучи рогожи, пьяные приказчики, торговцы калачами, тот особый гул, в котором всякая собственная мысль растворяется без остатка. Кирилл протолкался к пристани и увидел пароходишко с названием, показавшимся ему насмешкой, потому что так звали его мать: «Надежда». Он стоял и смотрел на латинскую, облупившуюся надпись на борту, и ему казалось, что кто-то над ним нарочно пошутил.

Билет в третий класс до Рыбинска стоил три рубля двадцать копеек. У Кирилла было три рубля семнадцать. Не хватало трёх копеек. Он подошёл к кассе, где сидел чиновник в пенсне, и, стыдясь собственного голоса, попросил уступить. Чиновник поднял голову и сказал, не меняя выражения лица: «Здесь не лавка». Кирилл попытался занять три копейки у женщины с корзиной, и она, перекрестившись, отвернулась. Он потом всю жизнь вспоминал, что судьба его однажды зависела от трёх копеек, и каждый раз содрогался от мысли, как мало в этом было величия.

В сумерках, когда грузчики, ругаясь, закидывали на палубу последние кули, он проскользнул за ними по сходням, никем не замеченный, и забился в щель между тюками ро-

гожи. Пароход загудел. Берег стал медленно отодвигаться, и Кирилл, глядя из своей щели на огни города, вдруг подумал: «Вот я и уехал». Он ждал, что почувствует радость или страх, но почувствовал только, что хочет есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.